

Электронная библиотека
Гражданское общество в России

С. И. Левикова

Социальные последствия
«локальных войн», или мирная
жизнь людей, служивших в «горячих
точках»

Электронный ресурс

URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Levikova_lokalnie_vojni.pdf

URL: <http://www.civisbook.ru>

МОЛОДЕЖНАЯ ПОЛИТИКА: ПОИСК ЭФФЕКТИВНЫХ РЕШЕНИЙ

СТАТЬЯ ВТОРАЯ

Левикова С.И., д.филол.н., проф.

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ «ЛОКАЛЬНЫХ ВОЙН», ИЛИ МИРНАЯ ЖИЗНЬ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ, СЛУЖИВШИХ В «ГОРЯЧИХ ТОЧКАХ»

В современных индустриально-развитых обществах многие мужчины имеют опыт военной подготовки. Имеются в виду не только кадровые военные, для которых военное дело является профессией. Речь идет о тех молодых людях, которые были призваны для прохождения военной службы или сами по тем или иным причинам заключили военный контракт. Они служат установленное законом или контрактом время, а затем возвращаются в мирную жизнь. И лишь некоторые из них попадают на «локальные войны», которые для них также временны. Однако возвращение к обычной мирной жизни у первых и у вторых проходит по-разному. Почему? Дело в том, что как бы серьезно ни учили, ни тренировали, ни готовили к потенциальному участию в военных действиях призывников и контрактников, для них все это остается своего рода игрой и знанием, навыками, которые вряд ли будут востребованы в их последующей жизни. Отсюда и соответствующее отношение к происходящему. Те же молодые люди, которые в силу стечения обстоятельств по призыву или контракту оказываются в условиях боевых действий, уже не играют: они живут и действуют на реальной войне. А выходы в мирную жизнь из «игры» или из суровой действительности боевых действий в социальном плане очень различны.

«Локальные войны», называемые в последнее время еще «горячими точками», являются характерной чертой современности. И, действительно, это «точки», поскольку, как правило, они представляют либо небольшую страну, либо какую-то территорию, воюющую с противником, численно во многом превосходящим ее. «Горячей точкой» может стать и какая-то незначительная в мировом масштабе территория, на которой сошлись интересы внешних для нее мощных сил. При этом подобные «точки» «горячие» потому, что там идут настоящие войны. «Локальными» же эти войны называются потому, что проблемы, решаемые в их рамках, с первого взгляда кажутся локальными по значению: с одной стороны, это не мировые войны, так или иначе затрагивающие весь мир, а с другой, – это не войны, в которых принимает участие все население воюющих сторон. А потому политиками, иницирующими подобные войны, они воспринимаются достаточно легко: ведь

проводится маленькая победоносная война (а она может быть либо победоносной, поскольку внешние силы во много превосходят внутренние, либо, если на территории сталкиваются интересы двух и более внешних сил, способных делать постоянные вливания в боевые действия с обеих сторон, то затяжной до тех пор, пока не будет найдено то или иное политическое решение для прекращения войны) ограниченным контингентом, который, выполнив свою миссию, вернется на Родину и растворится в массе соотечественников. Однако на деле локальные, как и любые иные войны, являются великим злом и имеют далеко идущие, не всегда ожидаемые последствия.

На одном из таких последствий «локальных войн», социальном, связанном с судьбой молодых людей, вернувшихся с них в мирную жизнь, надо очень серьезно задуматься. Ведь в результате участия в так называемых «локальных войнах» молодые люди приобретают столь необычный для мирного течения жизни опыт (опыт страха, боли, убийства, крови, разрушения, потери товарищей и т.п.), накладывающий такой серьезнейший отпечаток на восприятие действительности и на отношение к окружающему миру, что молодые люди уже не вписывается (или с трудом вписываются) в ту мирную жизнь, в которую они возвращается (даже если они не получили физических увечий) и как бы «выпадают из гнезда»¹.

В свое время Ф. Жолио Кюри на Первом всемирном конгрессе сторонников мира отмечал, что молодежь особенно заинтересована в мире, так как она становится «первой жертвой всякой войны, перед ней едва успевает раскрыться жизнь, которую молодое поколение жаждет видеть прекрасной и радостной. Но и те, кто не погибнет на войне, обычно остаются недоучками, вывихнутыми людьми, нормальная жизнь которых нарушена».²

Слова Кюри относились ко Второй мировой войне. Тогда еще о «локальных войнах» вообще не было речи. Различия же в социальных последствиях этих войн очень серьезные.

Дело в том, что, когда воюет вся страна, то война затрагивает всех и превращается не в частное дело некоторых воюющих, а в действительную судьбу всей страны. Даже если человек не уходит на фронт, он оказывается так или иначе вовлеченным в войну: возможно, кто-то из его родных, друзей, знакомых пошел воевать; возможно кто-то близкий ему погиб или пришел раненым с фронта; возможно, в тылу он начал работать для фронта и т.д. и т.п. И даже если ничего подобного с гражданином воюющей страны не случилось, он всё равно терпит лишения и бедствия, налагающие отпечаток на его последую-

¹ В данном случае имеется в виду один из вариантов перевода на русский язык названия фильма, снятого по одноименной книге Кена Кейси «Пролетая над гнездом кукушки» (*Kesey K. One Flew over the Cuckoo's Nest*). В нем название было переведено как «А этот выпал из гнезда».

² Первый всемирный конгресс сторонников мира. – М., 1950, с. 24.

щую жизнь и корректирующую ее. Война затрагивает абсолютно всех жителей страны и, когда наступает мир, они все выходят из состояния войны, у них у всех схожие проблемы, они все начинают адаптироваться к мирной жизни. В результате, какими бы тяжелыми ни были потери на такой войне, ее социально-психологические последствия не являются разрушительными (особенно, если речь идет о победившей стороне).

Совсем иначе дела обстоят с «локальными войнами». В них участвует лишь относительно небольшая часть молодых людей, преимущественно мужчин.³ И это происходит в то время, когда их страна, их сверстники продолжают вести обычную мирную жизнь: учиться, обзаводиться семьями, строить карьеру, отдыхать, веселиться и т.п. Когда же прошедшие войну молодые люди, даже если они не были там ранены, покалечены, контужены и внешне у них все в порядке, возвращаются назад в мирное общество, то оказывается, что далеко не все из них в состоянии вписаться в него. Происходит это потому, что если в первом случае, когда воюет вся страна, все ее жители проходят через переходный период от военной жизни к мирной и, испытывая общие тяготы, вместе борются с возникающими у них трудностями, то в случаях с «локальными войнами» молодые люди, получившие опыт даже не тыловой, а боевой войны, практически «вбрасываются» в мирную жизнь и чаще всего вынуждены самостоятельно проходить период адаптации не только к мирной жизни, но и к тому, что пока они воевали, жизнь не стояла на месте и ими оказалась упущена масса возможностей. В такой ситуации родственники не очень могут помочь молодым людям, поскольку иначе смотрят на жизнь: они-то не воевали.

Кроме того, очень часто оказывается, что вместо того, чтобы облегчить ветеранам «локальных войн» вхождение в мирную жизнь, помочь им адаптироваться к ней и найти свое место, общество либо просто делает вид, что не замечает их, оставляя молодых людей наедине со своими проблемами, либо что еще ужаснее, отворачивается от них, говоря: «Мы вас туда не посылали».

В лучшем случае помощь общества молодым людям, возвращающимся с «локальных войн», сводится к медицинской и психологической сторонам. Социальная сторона, о которой я говорю, полностью упускается из вида или игнорируется.

Вернувшийся с «локальной войны» молодой человек внезапно оказывается в условиях мирной жизни. Все, что он умеет – это воевать. Он молод, силен и обучен пользоваться боевым оружием. А еще он привык делить всех на «своих» и «врагов», и обладает обостренным чувством справедливости и представлением, как все должно быть: при этом полутона и оттенки не допускаются. Именно таким он попадает в мирную жизнь, где ца-

³ Здесь речь идет о тех молодых людях, оказавшихся в армии по призыву или контракту и отправленных воевать в «горячую точку», а не о местном населении этой «точки».

рят совсем иные, чем на войне, законы, где лукавство не означает предательство, а опоздание или невыполнение договоренности не грозит гибелью ему или товарищам... В результате молодой ветеран «локальной войны» просто не вписывается в мирную жизнь, в которой ему все же необходимо найти себе место. Для него продолжается война, она лишь меняет свою форму: из открытой фазы переходит в скрытую.

Какова наиболее типичная судьба ветеранов «локальных войн»? Сразу же хочу оговориться, что жизнь намного богаче любой ее модели, и невозможно одной формулой описать все потенциально возможные варианты и случаи. Любая типология упрощает. Однако обобщение и дальнейшее выведение наиболее типичных сценариев развития мирной жизни ветеранов, позволит глубже разобраться в социальных последствиях «локальных войн» для участвующих в них обществ.

Наиболее характерным поведением для молодого ветерана «локальной войны», оказавшегося в условиях мирной жизни, является то или иное возвращение его через некоторое, очень короткое время к реальным или искусственно воссозданным условиям «локальной войны». Почему?

Возвратившись из «горячей точки», после некоторого отдыха молодой человек начинает пытаться встроиться в мирную жизнь, но у него тут же возникает масса проблем: нет ни профессии, ни образования. Чтобы получать и то и другое, нужно поступать в учебное заведение, для чего необходимы знания. Однако большую их часть он растерял за время участия в боевых действиях и вряд ли справится с поступлением. Кроме того, будучи уже взрослым мужчиной, на несколько лет садиться за парту со вчерашними школьниками и получать мизерную стипендию (это в лучшем случае) отважится далеко не каждый ветеран.⁴ Каков выход? Делать то, что ты можешь. Но что он может? Воевать. Именно поэтому часть ветеранов «локальных войн», не найдя себе места в мирной жизни, заключают новый военный контракт и отправляются назад в ту же или в другую «горячую точку». И даже если им нерегулярно выплачиваются деньги по контракту, они не уезжают с «локальной войны», поскольку понимают, что только на ней они и нужны.⁵

Другой вариант своеобразного возвращения на войну, но не всеобщую, а мини-«локальную», позволяет ветеранам, с одной стороны, частично вписаться в мирную жизнь, а, с другой, кардинально не менять привычного деления всех «своих» и «врагов», с той лишь разницей, что «враги» трансформируются в «чужих», которые также могут быть

⁴ Следует вспомнить то, что после Второй мировой войны бывших фронтовиков в СССР зачисляли в вузы по результатам собеседования практически без экзаменов; кроме того им выплачивалась такая стипендия, на которую можно было прожить.

⁵ Кстати, здесь надо не забывать и то, что в настоящее время ряде регионов нашей страны существуют как безработица, так и напряженность с трудовыми местами, что также вынуждает ветеранов «локальных войн» возвращаться туда, откуда они вернулись.

опасны и для нейтрализации которых ветераны получают оружие, которым умеют пользоваться. Речь идет о том, что в мирной жизни ветераны «локальных войн» чаще всего становятся охранниками, телохранителями и т.п., то есть занимаются теми видами деятельности, которые логически продолжают их участие в «локальных войнах». Практически, они на всю жизнь остаются на войне: различаются лишь ее формы. И примечательно, что охрана какого-либо учреждения (будь то банк, офис, магазин, пункт обмена валют и т.д.) или человека (телохранитель) по сути есть такая же «локальная точка»: они редко уходят в регулярную армию (охрана государственной границы) или милицию, где на деле нет локальности.

Существует еще один вариант ухода ветеранов «локальных войн» от мирной жизни, хотя и в рамках последней. Он связан с созданием подобными молодыми людьми так называемых неформальных молодежных объединений, или субкультур, позволяющих им воспринимать мир и определенные представления через призму их контактной общности. В отечественной научной литературе последствия участия в «локальных войнах» для молодых людей в дискурсе молодежной субкультуры не рассматривались вообще. Хотя за более чем полвека существования феномена молодежной субкультуры и мирового опыта «локальных войн» можно проследить корреляцию между этими двумя явлениями.⁶

Впервые синдром «локальной войны» в контексте молодежной субкультуры проявился в США в 50-х годах. Тогда молодые люди, пришедшие с войны в Корею, вливались в субкультуру битников и создавали в рамках последней собственные коммуны.⁷ Однако поскольку самих битников было не очень много, то вскоре они обе субкультуры перемешались. В результате значительную часть битников составляли пацифистски настроенные юноши, которых призыв на военную службу оторвал от работы, учебы и вообще мирной жизни.⁸ Десятилетие спустя тоже самое повторилось с ветеранами войны во Вьетнаме:⁹

⁶ Я уже несколько лет говорю о том, что социальные последствия «локальных войн» существенны и что пора обратить внимание на молодежные субкультуры ветеранов «локальных войн», поскольку именно эти субкультуры далеко не нейтральны и имеют серьезные основания для превращения в экстремистские. Однако создается впечатление, что я говорю в пустоту. (См.: *Левикова С.И.* Молодежная культура. – М., «Вузовская книга», 2002, гл. 3.2.2.; *Левикова С.И.* Необходимость учета феномена молодежной субкультуры в региональной политике // Региональная политика: проблемы теории и практики. – Великий Новгород, 2002; *Левикова С.И.* Феномен молодежной субкультуры (социально-философский аспект). Дисс. доктора философских наук. – М., МПГУ, 2002, гл. III; *Левикова С.И.* Молодежная субкультура как инстанция «вхождения» в мирную жизнь молодого человека, прошедшего «локальную войну» // Рационализм и культура на пороге III тысячелетия: Материалы III Российского философского конгресса. Т. 3. – Ростов-на-Дону, 2002; *Левикова С.И.* Необходимость учета феномена молодежной субкультуры при организации работы с молодежью в транзитивном обществе и разработке федеральной и региональной политик // Организация работы с молодежью в транзитивном обществе: проблемы и перспективы. – Воронеж, 2004; *Левикова С.И.* Молодежная субкультура. – М., ФАИР-ПРЕСС, 2004 и др.).

⁷ См.: *Левикова С.И.* Молодежная культура. – М., «Вузовская книга», 2002, гл. 3.2.2.

⁸ См.: *Lipset S.M., Schaflander G.M.* Passion and Politics: Student Activism in America. – Boston – Toronto, 1971, p. 188.

возвращаясь в мирную жизнь, они собирались в собственные молодежные субкультуры, которые в лучшем случае использовали как некий «санаторий» для социальной реабилитации с целью последующего вхождения в общество полноправным его членом (не в смысле равных прав, а в смысле способности жить «как все» в условиях мира).

Ситуацию «выпадения из гнезда» изучают, но в основном, как уже отмечалось выше, в психологическом и медицинском аспектах проблемы. Социокультурная же сторона явления, которое получило сначала название «вьетнамский синдром», а позже «синдром локальных войн», не привлекает пока к себе должного пристального внимания как исследователей общества, так и социальных служб.

В подтверждение выдвинутого положения, что молодые люди, возвратившись после участия в «локальной войне», не вписываются или вписываются, но с трудом, в мирную жизнь и зачастую обращаются в молодежные субкультуры таких же, как они ветеранов, или же создают такие субкультуры, я позволю себе привести длинную, но хорошо иллюстрирующую сказанное выше цитату. А. Башлачев в статье «Игра в бунт» рассказал следующее: «Все началось в 95-м. Некий идеалист (выпускник средней школы, серебряная медаль) идет служить... Он готовит себя к армии, потому попадает в ВДВ, а в 96-м – в Чечню. За 2 недели до Хасавюрта получает контузию. Госпиталь, затем возвращение в часть. Система «день за три» отменена, то есть «дембель» только в 97-м году.

«Боевые» благополучно «погибают» в августе 98-го. Получить удастся только 30% от обещанного. Попытки продолжить обучение не находят понимания в вузах. Сегодня наш герой трудится сварщиком за 1500 рублей в месяц. В свободное время, создав «неформальную молодежную группировку» экстремистского толка, избивает хиппи, панков и прочих неформалов-традиционалистов, не гнушаясь и остроткой по национальному признаку. Также пытается создать фонд взаимопомощи ребятам с «чеченским синдромом».

Он на первый взгляд убудок и сволочь. Но таким его сделало государство! Изувечило его душу, мозги, желания, здоровье, жизнь. Он выжженная пустыня, типичный представитель современного «андеграунда».¹⁰

В приведенной цитате я хотела бы обратить внимание на некоторые моменты и расставить акценты. Там говорится о молодом человеке с потенциально достаточно высоким интеллектуальным уровнем (серебряная медаль, полученная по результатам учебы в средней школе), который, возвратившись с «локальной войны», продолжить образование не смог («Попытки продолжить обучение не находят понимания в вузах»). В мирной жизни

⁹ В частности см.: *Howard J.R. The Cutting Edge. Social Movements And Social Change in America.* – Philadelphia, 1974.

¹⁰ А. Башлачев. Игра в бунт. // «Алфавит» (Москва), № 045 – 9.11.2000.

ни он не очень удачно (то есть не так, как было бы, если бы он не попал на «локальную войну» и окончил бы вуз), но все же устроился на работу. В параллель же своей «внешней» жизни, он «вернулся» на «локальную войну», создав «неформальную молодежную группировку» экстремистского толка. Причем в рамках этой своей «локальной войны» он вместе с себеподобными из неформального молодежного объединения воюет со всеми «чужими», будь то представители иных молодежных субкультур, инородцы, чужеземцы, не важно, поскольку главное, что они «чужие». А «чужие» означает «враги». Конечно, можно было бы сказать, что это частный случай. Но как он типичен!

Что представляют собой молодежные субкультуры ветеранов «локальных войн»? Это жесткие мужские группы, поскольку на войну в «горячие точки» посылают в основном мужчин, а опыт войны не способствует выработки у них мягких черт характеров. Членам этих субкультур как правило за двадцать лет, а кому и сильно за двадцать. Однако здесь объединяющим фактором является не возраст, а общий жизненный опыт, разделяемые всеми входящими в субкультуру представления, обостренное чувство справедливости (они все видят в черно-белом свете: «враги» и «наши»), а также единое для всех желание бороться с «врагами»: кем бы или чем бы эти враги ни были.

Если эти молодежные субкультуры ветеранов «локальных войн» изначально и не создаются как экстремистские, то они все равно остаются потенциально экстремистскими, поскольку объединяют физически сильных молодых людей, обученных воевать и зачастую только это и умеющих хорошо делать. Однако эти молодые люди умеют не только воевать, но и обращаться с оружием, которое достать в настоящее время не представляет большого труда. Кроме того, представители данных молодежных субкультур имеют очень большую обиду на общество, за то, что то послало их воевать, практически сломав им судьбы; за то, что «локальные войны», как правило, являются результатом чьих-то просчетов и политических игр, расхлебывать которые приходится молодым людям своими жизнями и здоровьем; за то, что, вернувшись с войны, они не только не получили благодарности и уважения со стороны окружающих – общества и властей, – но оказались никому не нужными, лишними; за то, что их практически использовали, а затем «выбросили», как ненужную салфетку... Есть у них и множество других обид, которые, получая мощную подпитку от еще больших обид ветеранов, физически пострадавших в «локальных войнах» и оказавшихся полностью в бедственном положении¹¹, могут вылиться в

¹¹ Мировая практика показывает, что в «локальных войнах» участвуют дети не очень состоятельных родителей. И если за рубежом военнослужащему за ранение в «горячей точке» государство по его возвращению домой выплачивает большое пособие (пенсию), на которые можно и жить и лечиться, то на сегодняшний день в России об особом достатке ветеранов «локальных войн», физически пострадавших в «горячих точках», говорить не приходится.

очень большую беду войны возвратившихся с «локальной войны» с теми, кто их на нее послал. А так как этот враг не персонифицируется в одного человека, то таким врагом может стать общество в целом, поскольку оно обрекло молодых людей в мирное время на все тяготы войны. Отсюда один из вариантов социального молодежного экстремизма.

Какой можно найти выход из создавшегося положения? Конечно, самым простым будет сказать, что не следует создавать «горячие точки» и не следует вести «локальные войны», поскольку всегда лучше предотвратить заболевание, чем его лечить. Однако сегодня такая постановка видится идеалистичной и скорее служит оправданию ничегонеделания. Раз мы уже имеем явление и его последствия, то следует задуматься о том, как их минимизировать. Представляется справедливым, когда государство, которое направляет молодых людей для решения национальных проблем в горячие точки, обеспечивает комплексную адаптацию молодых людей к мирной жизни и общество через свои институты всемерно содействует ему в решении этой задачи. Такое двунаправленное действие требует принципиального изменения отношения общества к ветеранам «локальных войн» и выработки разнообразных мер общественной поддержки их адаптации. Учитывая, что здесь мы имеем дело в основном с молодыми людьми, необходимо, чтобы соответствующие меры нашли свое место в сегодняшней государственной и общественной молодежной политике. Понятно, что если игнорировать проблемы, связанные данной группой молодых людей, то они сами (и весьма неприятно) напомнят обществу о себе.

Безусловно, перечисленные выше сценарии судеб ветеранов «локальных войн» не исчерпывают всех конкретных случаев их последующей послевоенной жизни. Однако именно эти сценарии являются наиболее характерными.